

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

Гоголь — загадочный алмаз России

Владимир Леонов

Гоголь – загадочный алмаз России

«Издательские решения»

Леонов В.

Гоголь – загадочный алмаз России / В. Леонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742935-5

Вторая книга патриотического цикла «Колумбы русского слова»; взгляд современника на живое русское слово и русскую литературу. Книга о Н. Гоголе — христианине, человеке, писателе, который обжигал истиной каждое слово. «...Его можно сравнить с его современником математиком Лобачевским, который взорвал Евклидов мир...» (В. Набоков).

ISBN 978-5-44-742935-5

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Гоголь Николай Васильевич	8
«Труд мой велик, мой подвиг – спасителен»	8
Так определил свое назначение	10
Ум первого разбора	11
Литературное верование эпохи	13
Самое честное лицо Гоголя	14
Пока еще смех и пока еще юмор	15
Два состояния гоголевской натуры	17
Детство	18
Рождение	19
Происхождение фамилии Гоголь	20
Место рождения	21
Потомки Пушкина породнились с семьей Гоголя	22
Гоголь и Пушкин: «Зло творит мир»	23
Детство: «террор загробной жизни»	26
Детство: два страха	27
Начало русского Таинственного Карло	28
Первая сожженная книга	29
«Принести добро человечеству»	30
«Вечера на хуторе близ Диканьки», или детские воспоминания	30
«Казалось, что я утопил человека»	31
«Ревизор» и бегство	32
Болезнь	34
Жил внутренне, как в монастыре	35
Смерть	35
«Да будет воля твоя» —	37
Последний месяц жизни	38
Лечение Гоголя	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гоголь – загадочный алмаз России

Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2017

ISBN 978-5-4474-2935-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта вторая книга нравственно – патриотического цикла «Колумбы русского слова» – сборник эссе, образцы размышлений о ценностях, интересах и идеалах, которые всегда питаются живым фонтаном жизни. Это взгляд конкретного русского человека на живое русское слово и русскую литературу.

Цель книг – с высоты третьего тысячелетия помочь разобраться в том, какими они были, открыватели бессмертных рубежей русской литературы, как они следовали зову своего сердца и держали верный нравственный и духовный курс. В ней читатель зачерпнет полным ковшом пьянящего русского языка, как *исповеди народа, пропуска в историю и карантина перед воротами правды и справедливости...*

«У лукоморья дуб зеленый...» – пожалуй, единственная поэтическая строчка из образовательной программы, которую знает и готов продолжить каждый выпускник школы, а, возможно, и взрослый. А как же Гоголь, Тютчев, Фет? Неужели так ничего и не задержалось в душе и памяти?

Так может и не стоит десять лет зря листать страницы великой русской классики, переведенной на все языки мира? Вырос же Пушкин гением, не прочитав в детстве ни одной пушкинской сказки, Лермонтов – не побывавший за границей, а Гоголь писал свою бессмертную поэму за пределами Родины.

Школьный учебник – лишь начало незримой лестницы, ведущей на литературный олимп, где *«каждая ступень – восстанье Духа»*.

На ее ступенях учатся читать, мыслить, творить. По ней великие имена ушли в вечность, где нет первых и вторых, где все равны и одинаково совершенны. Большинство же из нас всегда усядется на первой, нижней ступеньке, равнодушно пропуская выше тех, кто стремится к восхождению и полету.

Книги о выдающихся русских писателях в контексте их жизненного и творческого пути. Они написана лично для каждого, кто желает заново открыть для себя литературное наследие России.

Книги о русских поэтах и писателях, которые обжигали Истиной каждое слово, носили *«...Родицу в душе»* и *«умирая в рабский век – бессмертием венчаны в свободном»*.

«Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили, Рылеева удавили... Достоевского к расстрелу таскали, Гоголя с ума свели...»

Пушкина скосила отделившаяся от него стихия Алеко, Лермонтова – тот страшный идеал, который сиял пред ним, *«как царь немой и гордый»*, и от мрачной красоты которого самому ему *«было страшно и душа тоскою сжималась»*; Гоголя – безысходность страдания и отчаяния

И рядом с этим списком – трагические судьбы рано погибших писателей: Николая и Глеба Успенских, Левитова, Гаршина, Надсона, Щедрина; самоубийство Фета... и добровольный исход из мира «войн и судеб» усталого стойка Л. Толстого.

А еще Милонов, Костров, Полежаев, Мочалов, Вавилов... кончивший жизнь самоубийством Радищев и растерзанный Грибоедов.

О художниках, которых всегда волновали Русская Земля и Русский Человек. *«Страшные загадки русской души... волновали, возбуждали мое внимание»* (Бунин). И которые воспринимали и вмещали в своем сознании далекую древность и современность России, все поведение и умонастроение Великого народа: *«Ведь он русский: стало быть, ему все под силу, все возможно!»*

И выражали это в произведениях – потрясениях, книгах – пробуждениях, книгах пророческих: *«талантом, знаньем и умом»* давали примеры обществу, *«служили его пользе»*.

И осуждали и обличали, но пером водило главное – желание трезво взглянуть на народ и Россию, бесстрашно разобраться в запутанности народной жизни, в невероятной сложности характеров и мировосприятия миллионов.

В книгах гневных и скорбных, и одновременно наполненных светлой стихией веры в нетленную мощь русского уклада и русского характера:

«...На святой Руси не было, нет и не будет ренегатов, то есть таких выходцев, бродяг, пройдох, этих расстриг и патриотических предателей...»

В. Белинский

Эссе призвано производить впечатление... Автор исходного сборника не скрывает, что он старался и сам почувствовать Колумбов русской литературы, переболеть глубиной их мысли, литературной дерзостью, роскошью поэтических образов, полнотой жизни, бьющей из них увлекательным фонтаном; и также вызвать у читателя искреннее желание снова коснуться красивых и глубоких текстов русской классики.

Великий миряне России, ее поэтические пророки, вечно присутствующие в нашей жизни: *«но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал»* – Пушкин.

Нет России без ее великих патриотов. Нет России без ее великих властителей дум. То и другое вместе – явление русского духа.

Книги рассчитана на широкую читательскую аудиторию, истинных ценителей живого русского языка, русской литературы

Гоголь Николай Васильевич (1809 – 1852)

«Труд мой велик, мой подвиг – спасителен»

В пантеоне русской литературы трудно найти фигуру более загадочную, чем Гоголь: в служба Христу, он был верен и Перуну:

«О, верь словам моим. Властью высшей облечено отныне мое слово».

Гоголь создал книги о мире и вселенной. Но в такой же мере это – книги о нем самом, в них так резко отпечатались образ их творца, образ *бескрайнее непостижимого моря*, вместившего в себя всю безысходность страдания и отчаяния, весь пафос очистительных гроз, и всю безмерность счастья.

Гоголь – это загадочный алмаз, это пламень, глубоко затаенный пламень и боли, и одиночества и гордыни, сверкнул на миг и даже ярче остальных огней, не пропал и не сгинул. Остался сильным и навсегда.

В исторической перспективе гоголевское творчество раскрывалось исподволь и постепенно, обнажая резцами времени все более глубокие свои *копи*. Христианская философско – нравственная проблематика гоголевских произведений наполнялась ощущением особого душевного труда, загадочного смысла, причудливого строения фраз и иррациональности его художественного мира и провидческой смелостью.

И вместе с тем все по – житейски, человечески – общеинтересно. Много людей, много характеров, причин и следствий, и потому не похоже на пустыню:

**«Русь, Русь! Вижу тебя из своего чудного,
прекрасного далека тебя вижу»**

«...Его можно сравнить с его современником математиком Лобачевским, который взорвал Евклидов мир...»

(В. Набоков).

До Гоголя мы имели российских Феокритов и Аристофанов, отечественных Корнелей и Расинов, северных Гете и Шекспиров, – национальных писателей мы почти не имели. Даже Пушкин не был свободен от подражательности и был награждаем титулом «русского Байрона»

Но Гоголь первым стал *просто* Гоголь. И после него наши писатели перестают быть дубликатами европейских гениев. Мы имеем *просто* Григоровича, *просто* Тургенева, *просто* Гончарова, Салтыкова, Толстого, Достоевского, Островского... Все они ведут свою родословную от Гоголя, родоначальника русской повести и русской комедии. Пройдя через долгие годы ученичества, почти ремесленной выучки, *наша словесность* предъявила свой национальный шедевр, произведения Гоголя, и вошла в семью европейских литератур как полноправный член.

«Пушкин создал целый арсенал оружия для борьбы со злом, но сам на битву не вышел», – а Гоголь вышел, разлил тревогу и горечь по всей Руси, дал нам неутешное зрелище себя и Руси, и с неистовством Поприщина зарыдал о нём. Гоголь поджег крепостническую николаевскую Россию: почти «божественным» толком нанес боль Руси и направил ее всю к громаде мысли, к необычайному умственному движению; уронил на Русь громадную свою чернильницу, утопив в чёрной влаге парадную одежду -«тройку», – буквально покрыв трещинами весь зеркальный фасад царство, так хорошо отполированный к половине 19 в.

Его волновали страшные загадки русской души; судьбы России и народа; загадочность русской истории и национальная самобытность Руси – и он неустанно вел поиски смысла жизни и религиозно становился послушником рока судьбы, смирялся, так и не познав до конца смысл жизни.

Рабочий и прораб российской духовности, русского неукротимого Духа, выразитель душевных и нравственных чаяний, патриотический камертон Руси – вот таким автор видит исторический образ Гоголя.

В своих произведениях Гоголь оставил нам непревзойденную художественную летопись жизни, исканий, падений и взлетов, побед и поражений своего поколения, поколения, родившегося накануне падения Наполеона I и сошедшего со сцены накануне Парижской коммуны. Великое и малое, трагическое и комическое в персонажах тех дней закреплено художественным пером Гоголя на поразительно написанном фоне крепостной России, распростертой у ног *венчанного солдата* (Николая I) и европейской революции, захваченной и покоренной *лавочником* (Наполеоном).

Гоголь буквально прогоняет нас, современников, сквозь строй нищеты и отсталости, бесправия и невежества, подчас первобытно скудного бытия. Не только осуждение и обличение водили пером Гоголя, но прежде всего – желание трезво увидеть угнетенный мир Руси, бесстрашно поставить вопрос – каким Гордиевым узлом запутана народная жизнь разноликой многомиллионной Руси. Как никто, он знал древнюю формулу распада и разрушения государственности: **народы исчезают, утратив веру и дух.**

Не сытость и вялость, а ум, воля и действия – вот та сокровенная правда, ради которой, собственно, жил и творил Гоголь. Это была та правда, которая несла России восхищение и уважение. И такого ошеломляющего и пронзительного воздействия на совесть людей Русь того времени не знала.

У него не было соперников в искусстве воспроизводить жизнь *во всей ее истинности.*

Об этом писал Белинский: «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь поэт более социальный, следовательно, более поэт в духе времени».

В его натуре, личности бушевали (и с какой силой!) светлые и темные стихии национального характера. И все гоголевское мировосприятие пронизано щемящей человеческой болью, состраданием к замученному народу, смелостью мысли, какие бывают лишь у мудрого врача, решившегося на мучительно спасительную операцию тяжелобольного.

Так определил свое назначение

Гоголь первым взглянул бесстрашно на русскую действительность и так определил свое назначение: «И долго еще определенно мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно – несущую жизнь, озирать ее сквозь *видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы*».

Беды и трагедии народные, русские он переживал как свои собственные, страдал так беспрерывно и люто, потому что Русь любил. И потому нередко не соглашался с историей, с веком, спорил с ними, с современниками. Словом своим очищал и возвышал социально – нравственную высоту своих устремлений. Все было написано слезами и кровью, это – горели и жгли страницы, в которых отражались его личные переживания. Его художественные характеристики людей, событий и целой эпохи в ряде случаев непревосходимы по глубине проникновения, тонкости восприятия, меткости удара. В его великих произведениях жизнь *разлагается и отрицается* – тем самым *он могущественно содействовал самосознанию России*

Переживший очень сложную личную жизнь, близкий участник и свидетель николаевской эпохи, Гоголь воспринимал жизнь как постоянно развивающуюся драму, иногда прерываемую комическими эпизодами и часто переходящую в безысходную трагедию. Он переносил на свои страницы куски этой драмы так, как их преподносила жизнь, ничего не смазывая и не сглаживая. Не стеснясь, тут же на страницах, плакал и восхищался, бичевал и весело хохотал, любил и негодовал. Его произведения насыщены историческими портретами, сценами и эпизодами, и они мгновенно и неизменно переходили в типы, характеристики быта и нравов: его рукой водила ненависть к русскому крепостнику и николаевской *сонной, раскислой, опухшей от сна державе*.

По блеску, остроумию, страстности, разнообразию стилей и сюжетов, свободе и остроте обсуждения глубоких вопросов общечеловеческой жизни и истории России, – художественные страницы Гоголя есть памятники, высочайшее достижение мировой литературы.

Две стороны составили великого художника Гоголя: естественный талант и содержание. Они стали мерилом, высшей точкой, зенитом его писательской славы.

Осмысливая свой земной путь, Гоголь писал: *«Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всякий человек, не только один я. Дело мое – душа и прочное дело жизни»*.

Он писал: *«Я не рожден для тревожений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха»*.

Он просил ближних:

«Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора».

Гоголь начал свое великое служение русской литературе с «Вечеров на хуторе, *«этих безоблачных, чистых и светлых, как весеннее утро, созданий юного духа, этих... веселых песен на пиру еще неизведанной жизни»*; он возвысился далее до великой комедии и бессмертной поэмы чиновничьей и помещичьей Руси – «Мертвые души» или «бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни»

На ристалище искусства этот Гениальный художник слова оставил после себя десятки бессмертных произведений и столько же тайн, сколько мастеровой Герострат, поджегший Храм любви и веры. Но разрушил Герострат творение не свое, не им созданное; а Гоголь – собственное (сожжение второго тома «Мертвых душ»).

Ум первого разбора

Николай Васильевич Гоголь – самый загадочный и таинственный классик русской литературы. Его произведения наполнены шаманской мистикой и тайнами. Знакомясь с творчеством этого величайшего писателя, читатели, каждый по – своему, понимают глубочайший смысл, заложенный в его произведениях.

Явив миру плод ума лукавого, ума первого разбора, слепящего своей алогичностью – ключником служил у дьявола (сатаны) и князем света воспевал чистоту «божественной матрицы (он – демон, хватающийся за крест) – он создал жемчужную руладу – гоголевский смех сквозь слезы, (*Моим горьким смехом посмеются*)» – это не одна эпитафия на его надгробном памятнике, в этом и эпиграф ко всей его биографии); вместивший в себя и библейский пафос и жизненную всеядность; еще при жизни его называли и монахом, и шутником, и мистиком, а в его творчестве переплелись фантастика и реальность, духовное сакральное и биологическое мирское, прекрасное и безобразное, великое и подлое, трагичное и комическое: у него и Юпитер и Немезида – свет и тьма – части одной целостности, судьи одного порядка, судьи адские.

Роковым для Гоголя, определившим его краткий земной путь, стало то, что от насмешливых наблюдений пришел он к страшным, что смех беззлойный стал смехом сквозь слезы

Как у Иисуса Христа было две тайны – тайна жизни и тайна смерти – так и у Гоголя эти две тайны – жизнь и смерть – породили множество мифов. Уже несколько поколений исследователей бьются на погосте судьбы писателя, которая растворена как соль в воде, оставив на поверхности лишь слабые очертания: почему Гоголь изливал тоску так сладостно, певуче и звонко; почему не был женат, зачем он сжег второй том «Мертвых душ» и сжигал ли вообще и, конечно же, возбуждает «шаманский гнозис» – смерть или летаргический сон, Голгофа на могиле и повернутый череп в гробу...

У него Русь – и светлая и темная, полудикая: она вся в заговорах, заклинаниях, приметах, бабьих причитаниях и молитве ханжей; и она же – глубоко верующая в целебность первобытного волхования, в простые русские избы:

«Русь, чего ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...»

Судьба Гоголя и судьба страны... загадка исторического предназначения России и загадка жизни Гоголя: трясина и болотца, дебри и распри – и пролитый с неба золотой дождь надежды и веры.

Моим горьким смехом посмеются» – это не одна эпитафия на его надгробном памятнике, это и эпиграф ко всей его биографии; при жизни мало его любили. Одиноким Гоголь прожил. Одиноким перешёл в вечность

Гоголевское творчество – это и возвышенный романтизм, и бездна падений, обнимающих целые области жизни во всех ее предельных и поразительных контрастах. И она была очень подлинная, эта гоголевская жизнь. Точнее, гоголевское горение. У него, применяя слова Тютчева, была *«жизнь как океан безбрежный, вся в настоящем разлита»*.

Своими словами, метафорами и аллегориями, с налетами импрессионистской дерзости, иррациональной пульсации, трепетом страсти безрассудной, интенсивностью художественных и интеллектуальных впечатлений он встряхивает, побуждает к чтению и мысли, чтобы *«сердцу высказать себя»*.

Редчайший художник на ристалище русской литературы, он не превращал мечту в пытку, а жизнь в святость; был свободным чертом, а не повязанным ангелом; жизнь для него была выше славы, сплина и Южного Креста.

Гоголь – носитель Великой Бессмертной Истины: чтобы незаметно не превратиться в посредственность, *«мыслящий тростник»*, всегда *«...замысливай побег... волнующей души»* (образно – из Пушкина).

Он сбрасывал с жизни ярмо корысти, обузу тщеславия и вырывал ее из тенет злобы и обид. Он брал из жизни самый насущный вопрос, а из себя – саму решительность найти ответ на него. Он знал о предостережении пророка Иоиля о том, что когда *«Солнце и луна померкнут и звезды потеряют блеск свой»*.

Характер Гоголя и его искусства: присутствие *в реализме* – «мистически одаренного духа». И как следствие, – изображенная Гоголем *внешняя реальность* есть на самом деле *внутренняя тревога и мучительно – причудливые фантазии писателя*.

Гоголем выдвинут идеал христианизации всей русской жизни, – идеал и до сей поры глубоко значимый для России. При этом Гоголь, как проповедник, со всей неприкрытой страстью отразил глубокую бездну, необозримый провал между жизнью и идеалом; мытарство души между Сциллой и Харибдой, между должным, желаемым и реальным, существующим. В этом и есть его непреходящая ценность

И все – таки, как утвердила история, Гоголь «великий основатель художественного реализма в России», и одновременно *«первый представитель глубокого и трагического религиозного стремления, которым проникнута русская литература»*.

Литературное верование эпохи

«Бог дал мне многостороннюю природу. Он поселил мне... в душу, уже от рождения моего, несколько хороших свойств, но лучшее из них было *желание быть лучшим*» – Гоголь

Гоголь стал литературным верованием целой эпохи. Вполне понявшим громадность этого таланта был *Пушкин*, благословивший Гоголя, как некогда «старик Державин» благословил самого Пушкина. И благословил поэт в Гоголе великую натуру, которая «*просила богов о высоких мыслях и чистом сердце*», верила в разумность и свято дорожила правдою.

Гоголь стал фокусом, отражающим *истинные пределы* мышления той эпохи, последнюю *истинную степень* общественных понятий и убеждений. Это мышление, эти понятия и убеждения Гоголь возвел в «*перл создания*», очистив от примесей односторонностей. Как гениальная натура, обладающая крепкой самостийностью, поэт носил в себе клад всех устремлений ее эпохи. При этом, его натура не служила этим устремлениям рабски, не расшаркивалась, а поднялась над ними, владычествуя, как маяк давала проблески ясного пути.

Вместе с тем Гоголю было дано и иное – все противоречия, все язвы времени износить на себе и следы этих язв вечно в себе оставить. Натура холерическая, страстно – лирическая, склонная к бесконечной вдумчивости, носила в себе залог спасения – «*желание быть лучшим*». В нем все противоречия примиряются его божественным, *высшим началом – разумом*, который вместе с тем есть его бесконечная любовь, его идеал; тот «*таинственный огонь, который и светит тихим светом, и жжет пламенем неугасимым и поражает, как меч обоюдоострый*»

Вот как сам гениальный художник, отвечая на вызов врагов своих, определил свойство и значение своего таланта, и даже свою историческую задачу («Переписка с друзьями»):

«Герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения – история моей собственной души... Обо мне много толковали, разбирали... мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так *ярко пошлость жизни*, умеет очертить в такой силе *пошлость пошлого человека*, чтобы вся мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. *Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого нет у других писателей*»/

Самое честное лицо Гоголя

«*Вечера на хуторе близ Диканьки*» – яркий и чистый культурный мем, без примесей «пошлости пошлого человека» и «трагического fatuma». Это – еще юношеские, свежие дерзания Художника, эмоционально окрашенные в светлое, как само украинское небо: оно развернулось синим шатром, пропитано благоуханием черемух всей Украины.

«...*Сколько в них остроумия, веселости, поэзии и народности. Дай бог, чтобы он вполне оправдал поданные им надежды!*»

Белинский

В «*Вечерах на хуторе*» все весело и ясно, а сам юмор прост и простодушен, как юмор народа; здесь *честным лицом* Гоголя выступают наивность и добродушие (грустный смех еще не слышен); его поэтическое чувство светлое и легкое, оттого светло и легко на душе читателя. Гоголь несет читателю гармоническое, а значит, и совершенное, сочувствие к природе; он воссоздает красоту природы как пластическую, красоту емкую, «существующую для всех и каждого»; художник полон сознанием о «прекрасном» физическом и нравственном в человеке.

О, как причудливо грациозен юмор здесь – чего стоит гомерическое изображение пьяного Каленика, отплясывающего гопака на улице в майскую ночь.

А как поэтически видит Гоголь свою красавицу *Оксану*, свою *Галю* – чудное существо, которое спит в «*божественную ночь, очаровательную ночь*», спит, распустив черные косы; спит под украинским небом, когда на этом небе «*серпом стоит месяц*». Одна и та же глубокая, живая вера и правда – одно и то же тонкое чувство красоты и благоговения к ней – то, что совершенно непосредственно сознается, осязательно чувствуется.

А как полна таинственного обаяния эта вечерняя Украина: тут и прозрачное озеро, и фантастические пляски ведьм, и лик утопленницы – панночки; лик, запечатленный какой – то светлой щемящей грустью. Вся природа его страны говорит с Гоголем шелестом трав и листьев в прозрачную звездную летнюю ночь.

В Сорочинской ярмарке – все шумно и все толкается, здесь и кузнец Вакула и исполнинские образы двух братьев Карпатских гор, осужденных на страшную казнь. Они напоминают дантовские образы, образы народных преданий, такие величественные и такие понятные, ясные. Здесь – вся Украина с ее мятежным жаром. Богатая колоритными образами и предания земля, но еще не возделанная, еще не распустившаяся.

Все это еще светло, таинственно и обаятельно – чудно; это лепет ребенка, это сказки старухи няни; эмоционально – лирическое состояние человека, переходящее в чарующую интимность. В этом быте, простом и вместе поэтическом быте Украины – вся беспечная радость художника, страстного и пламенного воссоздателя этих бытийных картин (сродни райским прелестям Алигерье), их апотеоза (прославление).

Пока еще смех и пока еще юмор

Во второй части с «Миргорода» Гоголь уже разделяется навсегда с обаянием своего родного края. В эпопее о Тарасе Бульбе и легенде о Вие уже слышится тоска самого поэта, ее напряженный пафос и она передается читателю: безысходная тоска, замирание сердца от печали у философа Хомя Брута, который мчится с ведьмою по бесконечной степи (это первый приглушенный стон Гоголя, первая слезинка «мысли сердечной и мысли головной»).

Столь кратковременное мировоззрение солнца, христианский – романический идеал, просто обжигающий душу, отмеченный и замеченный всеми читателями, заканчивает в недрах поэта свой полет – Гоголь взглянул на действительность из самой глубины своего духа, око было скептическим, и остановился в тяжелом раздумье; в великой художественной натуре проявились первые импульсы его последующего болезненного разложения – изобразив бесплодные существования Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича (в свойственной писателе манере – гиперболически веселом юморе), Гоголь вынужден был воскликнуть: *«Скучно на этом свете, господа»*.

И уже с этой минуты он взял в руки скальпель хирурга, анатомический нож под названием «смех», чтобы надрезать большую плоть общества, потому и потекли уже *«сквозь зримый миру смех незримые слезы»*. Но это были не только слезы негодования – везде Гоголя вырывают смех и юмор, они полны любви к жизни и стремления к идеалу.

Гоголь видел свое достоинство в том, что в нем соединились его собственное душевное обстоятельство и его собственная душевная история. Это дало ему моральное основание заявить («Переписка с друзьями):

«Никто из читателей моих не знал, что смеялся над моими героями, он смеялся надо мною».

Гоголь начинает отсюда движение к своему предназначению – божественному, человеческому, поэтическому – *очертить пошлость пошлого человека*, когда он, как беспощадный анатомик, по частям разбирает человека... и обдает души читателя тяжелой грустью, крепость которой разрушается смехом и юмором – полным, цельным, неразложимым и нерасчленимым.

Для Гоголя смех и юмор становятся проводником разумной (а не слепой) любви; за мрачным колоритом его картин ясно сквозит через смех сияние этого вечного гоголевского идеала – нравственное, благородное и чистое состояние любви.

Юмор Гоголя – это отношение его натуры к действительности, ее окружающей и ею отражаемой. При том в юморе страстном, гиперболическом. Историческая задача Гоголя была:

- сказать, что «дрянь и тряпка стал каждый человек»,
- выставить пошлость пошлого человека,
- уничтожить все фальшивое самообольщение,
- привести к полному христианскому сознанию

Этот юмор достигает крайних пределов своих в «Носе», произведении настолько оригинальном и причудливом, где все, от пальцев ноги до волоса на макушке, фантастично, нереально и вместе с тем все – в высшей степени художественная, поэтическая правда, где все просто, все понятно, все разложено на элементарные частицы бытия, где и толкования не нужно, потому что всякое толкование убило бы поэзию...

«Вот как это делалось, – писал Гоголь, – взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало...»

Но именно с «Ревизора» гоголевский смех становится единственным честным героем (одновременно – и карающим). Он – то и выводит рельефную броскость смысла комедии: чем

пустее и бесцветнее городничий, тем вольготнее ведет себя жрец лжи Хлестаков, тем и очевиднее комическая Немезида (карательница беззакония) с плетью, мечом и уздой над беззакониями города – даже эта адская сила бессильна перед невозмутимой, как болотная тина, совестью властью.

О побудительных причинах своего юмора Гоголь имел высказывание с величайшею искренностью и простотой («Переписка с друзьями» – письмо по поводу «Мертвых душ»):

«Не думай, однако же, после моей исповеди, чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои: нет, я не похож на них. Я люблю *добро*, я *ищу его*, я *сгораю им*, но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои, я не люблю тех низостей моих, которые отделяют меня от добра. Я воюю с ними и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет бог... Я же от многих своих недостатков избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них... Я оторвался уже от многого тем, что, *лишивши картонного вида и рыцарской маски*, под которую выезжает козырем всякая мерзость наша, поставил ее рядом с той гадостью, которая всем видна. Тебе объясняется также и то, почему не выставил я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. *Их в голове не выдумашь*. Пока не станешь сам хотя сколько – нибудь на них походить, пока не добудешь постоянством и не завоеешь силою в душу несколько добрых качеств – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и как земля от неба, будет далека от правды. Выдумывать кошмаров я также не выдумывал: кошмары эти давили собственную мою душу: что было в душе, то из нее и вышло».

Два состояния гоголевской природы

Вот оно, двойственное состояние безмерно шедевальной природы. С одной стороны, это природа, по признанию самого Гоголя, многосторонняя, способная отражать в себе действительность со всем бесконечным разнообразием ее явлений, и притом отражать ярко и целостно. Другой стороны – это природа в высшей степени страстная, а которую все отклонения от идеала действуют болезненно.

И двоякий путь предстоял Художнику в обращении с действительностью: или дать волю собственной страсти, а значит, болезненному негодованию или просто все списать, описать бесстрастно. Но не мог Гоголь по природе своей идти вторым путем, не мог он холодно описывать, потому что сам на себе носил язвы, им изображаемые..

Такова была цельная и гармоничная художественная природа поэта; была до эпохи ее болезненного уклонения, болезненного разрушения – до эпохи того страшного переворота, который окончательно раздвоил полного и органически слитого Гоголя...

Детство

Рождение

Точная дата рождения писателя долгое время оставалась загадкой для его современников. Сначала говорилось, что Гоголь родился 19 марта 1809 года, затем 20 марта 1810 года. И только после его смерти из публикации метрики было установлено, что будущий писатель появился на свет 20 марта 1809 года, т.е. 1 апреля по новому стилю.

Происхождение фамилии Гоголь

Фамилия Гоголь – это украинская фамилия, она происходит от одноименного прозвища. Но слово «гоголь» имело различные значения. Чаще всего «гоголем» называли утку из породы нырков. «Птичь» фамилии были распространены у славян. До введения на Руси христианства ребенку для отвода сглаза давали «некрасивое» имя, это могло стать и название животного, птицы, растения. Эта языческая традиция еще долго жила на Руси и с принятием христианства, ребенку помимо крестильного имени в семье могли дать прозвище.

Следующим значением слова «гоголь» стал ироничный, разговорный оборот «держаться франтом», «щеголять». В более широком смысле данное слово употребляли и к волоките – мужчине, увивающимся за женщинами. Было образовано даже прилагательное, принадлежащий гоголю (франту, щёголю) – гоголий, гоголиный. Не стоит также забывать ранее распространенное выражение «ходить гоголем», которое означало держаться напыщенно, важно, величаво. Поэтому прозвище Гоголь могли дать довольно заносчивому и спесивому человеку.

Данные качества могли лечь в основу фамилии Гоголь. Существует еще одно значение слова «гоголь», от которого могла образоваться фамилия Гоголь – «гоголем» называется мужской головной убор, а точнее зимняя меховая шапка в форме усеченного конуса, сделанная из каракуля, цигейки или же другого меха. Вполне возможно, что подобный головной убор относился к «из ряда вон выходящим», поэтому надевая его, мужчина становился априори «франтом», то есть «гоголем».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля также указано, что «гоголем» у казаков называли поплавок, шашку и балберку. Поплавок — приспособление для ловли рыбы, шашка – основное колющее оружие казаков. Балберка – это или же громотушка для пугания птиц в садах, сделанная из дощечек, которые постукивают друг об друга на ветру, или же сплетенная определенным образом самоловная снасть.

Исходя из многообразия вариантов происхождения и значения слова «гоголь» нельзя однозначно сказать, что именно означает фамилия Гоголь. Но в зависимости от того, в каком месте употребляется эта фамилия или же какой род деятельности был у первоносителя данной фамилии, можно предположить и значение данной конкретной фамилии семьи или же индивидуума. Самым известным представителем с фамилией Гоголь является русский писатель Николай Васильевич Гоголь, аристократ из старинного дворянского рода. Род Гоголь – Яновских был записан в III части родословной книги Полтавской губернии.

Дед писателя Афанасий (Опанас) Демьянович имел польские корни и носил польскую фамилию Яновских. Именно он и прибавил к своей фамилии вторую – Гоголь, что должно было подчеркнуть происхождение рода от известного в украинской истории полковника Остапа Гоголя. Впоследствии писатель полностью исключил из своего литературного творчества первую часть фамилии – Яновский – и подписывался *Николай Гоголь*.

Место рождения

Гоголь родился в крае, овеянном легендами. Рядом с Васильевкой, где было имение его родителей, находилась известная ныне всему миру Диканька – родовое имение знаменитого на Украине семейства Кочубеев. Родоначальник семейства – тот самый Кочубей, который пытался известить Петра I о готовящейся измене Мазепы и поплатился за это мученической смертью.

В церкви, находящейся в Диканьке, во времена Николая Васильевича можно было увидеть сорочку с выцветшими пятнами крови – в ней, по преданию, был казнён Кочубей. Среди же огромных диканьковских дубов гостям показывали так называемый «мазепинский дуб», возле которого, по преданию, гетман – отступник назначал свидания Матрёне, своей любовнице, дочери Кочубея.

История их любви и измены украинского гетмана была воссоздана в поэме А. С. Пушкина «Полтава». Здесь же находим и упоминание Диканьки. Один из сподвижников Мазепы говорит заключённому в темницу Кочубею:

*«Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке укрываем.
Свершится казнь твоя должна;
Твоё имение сполна
В казну поступит войсковую —
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?»*

Кочубей не «открыл» своим палачам тайну этих кладов, которые, может быть, навсегда остались схороненными в диканьковской земле...

Ко времени пребывания юного Гоголя на родной Полтавщине поэма Пушкина, правда, ещё не была написана. Но можно представить себе, с каким волнением, с каким радостным чувством узнавания знакомого читал впоследствии Гоголь «Полтаву»...

Вероятно, всё это вспомнилось Гоголю, когда он позднее писал свою первую прозаическую книгу. Повести, составившие её, якобы рассказаны и услышаны «близ Диканьки». Именно здесь проживает мнимый издатель «Вечеров» «насихник»^{*} Рудый Панько, который в простоте душевной пригласил всех своих читателей к себе в гости: «*Как будете, господа, ехать ко мне, то прямёхонько берите путь на столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил её на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы наслышались вдоволь.*»

Потомки Пушкина породнились с семьей Гоголя

В мае 1831 года исполнилось заветное желание Николая Васильевича Гоголя (1809—1852) – на вечере у Н. А. Плетнева, в Петербурге, его познакомили с А. С. Пушкиным. Они часто встречались: в то лето Пушкин жил в Царском Селе, Гоголь – в Павловске. Знакомство вскоре переросло в сердечную дружбу.

Пушкин сыграл решающую роль в творческой судьбе Гоголя, в становлении его как литератора. Он был первым судьей многих гоголевских произведений еще до появления их в печати. Он подсказал молодому писателю темы и сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ» (*В 1833 году Пушкин, собирая материалы по истории пугачевского восстания, был принят губернатором одной из губерний за тайного чиновника из Москвы. Именно об этом случае Пушкин поведал Гоголю.*)...

Гоголь назвал стих Пушкина – *густой как смола*

Когда в январе 1836 года Пушкин начал издавать «Современник», он не замедлил привлечь к сотрудничеству в журнале и Гоголя. На страницах «Современника» увидели свет некоторые литературные труды Николая Васильевича.

До 1837 года, то есть до смерти Пушкина, все, что Гоголь написал, было сделано под влиянием поэта и по его подсказке (слова самого Гоголя)

Творческая дружба Пушкина и Гоголя, которую питала общая забота великих писателей о судьбе отечества, о дальнейшем развитии российской словесности, — *поистине счастливейшая страница в истории русской литературы.*

Гоголь и Пушкин: «Зло творит мир»

Гоголь: Записки сумасшедшего» – заключительный вопль героя

– Божже! Что они делают со мною! Они льют мне на голову холодную воду! Они не внемлют, не видят, не слушают меня. Что я сделал им? За что они мучат меня? Что хотят они от меня, бедного?... Я не в силах, я не могу вынести всех мук их... Спасите меня, возьмите меня, дайте мне тройку быстрых, как вихор, коней! ... Вон небо клубится передо мною; ... с одной стороны море, с другой Италия; вон и русские избы виднеют. ... Матушка, спаси твоего бедного сына! ... ему нет места на свете! его гонят!

Аксентий Иванович Поприщин, чиновник «без достатков», является «мучеником» своего честолюбия и, одновременно, жертвой общественной системы, где человек теряет свою личность и имеет вес за должность, звание, деньги. Он любит прелестную Софи, но девушка его презирает и *«папа хочет непременно видеть ее или за генералом, или за камер – юнкером, или за военным полковником»*.

Сын бедного чиновника, «ничтожный разночинец», Аркадий напрасно думает быть «царем среди людей» за свое божественное дарование, он просто «раб». На пределе сумасшествия Аркадий, как Поприщин, вопиет

Чего же хотят они от меня? ... Они терзали меня, когда я хотел стать между ними самобытно, они терзают и теперь, когда я отказываюсь от самого себя! Они не дают мне местечка и в своем мире!

Воскликает, на самом деле, Антиох: «Что же вокруг меня? Куклы с завялыми цветами жизни, с цепями связей и приличий!». И Аркадий утверждает:

«Наш век кажется веком бессильных страстей внутри, без резких отличий извне. Он весь одет однообразно, причесан, подвязан, ходит и говорит однообразно. Все войны наши в мундирах, чиновники в вицмундирах, нечиновники в темных фраках. ... Мы отличны от стариков наших тем, что душа нынешнего человека потеряла самодовольство... Наше поколение, как Наполеон, стоит сложив руки или нюхает табак, пока страшная битва... гремит в душе его»

Пушкин рисует образ «сумасшедшего чиновника» в знаменитой поэме «Медный всадник» (1833—1834 гг.). Молодой Евгений представлен поэтом «в волнении» разных мыслей:

О чем же думал он? О том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы Бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливы,
Ума недалежного ленивы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;

...

Женится? Ну... за чем же нет?
Оно и тяжело, конечно,
Но что ж, он молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Он кое – как себе устроит
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокоит.

«Пройдет, быть может, год другой —
Местечку получу – Параше
Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить – и так до гроба,
Рука с рукой пойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»

Надежды, мечты героя не осуществляются: Парашу похоронит Нева при наводнении Петербурга. Отчаянный Евгений бежит, ходит, бродит по столице «стремглав, не помня ничего, изнемогая от мучений», его «терзает» какой – то сон; в тревоге, в бреде он убеждается, что смерть любимой причинил тот царь, «чьей волей роковой / под морем город основался», итак грозит, бросает вызов «кумиру» Петра I – ого.

«Вдруг «безумный бедный»
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
...
Бежит и слышит за собой —
как будто грома грохотанье —
Тяжело – звонкое скаканье
...
за ним несется Всадник Медный.

Наконец труп несчастного, сумасшедшего Евгения «похоронят ради Бога».

Пушкинский Евгений – обыкновенный человек, уничтоженный злосчастной властью; в творчестве поэта оживленная статуя – символ пагубного самодержавия, которое обессмертит самого себя посредством памятников и колон.

По счастливому же стечению обстоятельств Пушкин и Гоголь через полвека (уже после их смерти) породнились семьями – в конце лета 1881 года девятнадцатилетняя внучка поэта Мария Пушкина стала женой племянника Гоголя Н. В. Быкова.

Еще мальчиком отец Николая Васильевича ездил в храм в Харьковской губернии, где был чудесный образ Божьей матери. Однажды он увидел во сне Царицу Небесную, которая указала на дитя, сидевшее на полу у Ее ног: «... Вот твоя жена».

Вскоре он случайно, побывав в гостях у соседей, увидел их семимесячную дочь с и узнал в ней черты того ребенка, которого видел во сне. На протяжении тринадцати лет отец Гоголя, Василий Афанасьевич, продолжал следить за своей избранницей, посланной ему с небес. После того, как видение повторилось, он попросил руки девушки. Через год молодые поженились.

Мария Ивановна – так звали жену Василия Афанасьевича – происходила из богатого помещичьего рода Косяровских.

Ко времени замужества ей едва исполнилось четырнадцать лет. *«Она ещё не успела испытать, что такое любовь, – она была занята ещё куклами, но по приказанию или по совету тётки должна была повиноваться...»*

Несмотря на насильственный выбор жениха, брак оказался счастливым. Марья Ивановна, мягкая и добрая по натуре, привязалась к мужу. Василий Афанасьевич относился к ней с трогательной ласковостью, звал Белянкою – за белый, необычайно нежный цвет кожи.

В 1840 году, когда Гоголь был уже прославленным писателем, её впервые увидел С. Т. Аксаков и так передал свои впечатления: *«Взглянув на Марию Ивановну... и поговорив с ней несколько минут от души, можно было понять, что у такой женщины мог родиться такой сын. Это было доброе, нежное, любящее существо, полное эстетического чувства, с лёгким оттенком самого кроткого юмора. Она была так моложава, так хороша собой, что её решительно можно было назвать только старшей сестрой Гоголя».*

Детство: «террор загробной жизни»

Сочинять Гоголь начал тоже очень рано, но ничего из написанного им в детстве не сохранилось.

По преданию, в Васильевку приехал писатель Капнист, чьё имение находилось по соседству, и попросил мальчика прочесть стихи. Стеснительный и скрытный, тот долго не соглашался. Но потом прочёл. Когда мальчик ушёл, взволнованный Капнист объявил родителям: *«Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя – христианина!»*

Что касается «учителя – христианина», то эту роль взяла на себя мать Гоголя, женщина глубоко религиозная. Однако её уроки имели на мальчика своеобразное влияние, несколько иное, чем предполагала Марья Ивановна.

«...Я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня, – признавался Николай Васильевич матери, – но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревеня дьячков. Я крестился, потому что видел, что все крестятся».

Но один случай произвёл на мальчика особенное впечатление. *«Я просил вас рассказать мне о Страшном суде, и вы мне, ребёнку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность».*

А на деревянных воротах церквушки какой – то художник разрисовал в мрачных красках картины Ада: кипящие котлы, языки огненного пламени под ними, а в них – корчащиеся плоти грешников, и рядом – черти, вилами запихивающие тела прокаженных в кипящую воду (или смолу – по библейским сюжетам). Эмоциональный катализатор от увиденного всю жизнь пропитывал тонкую душевную ткань Гоголя нервическими импульсами.

Другими словами, Гоголь оставался холоден к формальному отправлению обряда; порою церковные церемонии вызывали в нём даже неприязненное чувство. Но зато беседы с матерью и картина Ада усилили нравственное начало Гоголя ответственностью за свои поступки. Запали ему в души и стали первым импульсом провиденческого сознания слова пророка Иакова: *«Плод правды в мире сеется у тех, которые хранят мир».* Что для юного Гоголя стало плодоносящим семенем его нравственного сердца: там, где нет мира, нет и правды (*«Мир имейте между собой»* – Иисус).

Именно в этом свете воспринимал он пророчество о Страшном суде, о воздаянии каждому за его добрые и порочные дела, о неминуемом наказании грешников. Эти исторические предания и библейские сюжеты служили источником сильных впечатлений мальчика. С юных лет Гоголь жил постоянно под *«террором загробного воздаяния»* и впоследствии писал: *«Задумываться о будущем я начал рано»*

Путеводной звездой возвращения морального сознания художника, которую он хранил в своей душе всю жизнь, стал призыв Спасителя: *«Возлюби ближнего своего, как самого себя».* И эту любовь Гоголь пронес в каждой клеточке своего личного бытия, воспринимая ее *«...делом и истиной»* (Христос).

Детство: два страха

С детства Гоголь вселил в себя страх – страх тишины и страх одиночества. Эти перманентные свойства личности отчасти выступили латентным детонатором его броской контрастной личности и алогичного (по меркам того времени) сочинительства.

Однажды, оставшись в доме один без родителей, Гоголь, чтобы заполнить скорбную для него тишину, обратил случайно взгляд на Данте, затерянного на полке большой библиотеки отца. Он читал «Божественную комедию» до утра, ночь осветилась для него потоком лучезарных строк великого итальянца. Когда рассеялись последние сумерки, он уже был влюблен в Италию и у него проявилось отчетливое видение: создать произведение о всех трех кругах России, симметричного поэме Алигьери – с восхождением от плохого к хорошему, от зла к добру, а порок очистить добродетельностью. Отсюда и неумная тяга к Италии и весь драматический путь к «Мертвым душам»

Начало русского Таинственного Карло

Гоголя назвали Николаем в честь Святителя Николая, перед чудотворной иконой которого его мать, Мария Ивановна Гоголь, 14 лет отроду дала обет верности отцу Гоголя, вдвое старшего ее. Отец умрет внезапно, когда Гоголю исполнилось шесть лет, а мать переживет и смерть мужа, и трагическую кончину сына.

От матери Николай Васильевич унаследовал тонкую душевную организацию, склонность к богобоязненной религиозности и интерес к предчувствию.

Отцу же его была присуща мнительность. Неудивительно, что Гоголя с детства увлекали тайны, вещие сны, роковые приметы, что позже проявилось на страницах его произведений.

Родители Гоголя считались помещиками средней руки и имели 1000 десятин земли и 400 душ крепостных крестьян.

Когда Гоголь учился в Полтавском училище, скоропостижно скончался его младший брат Иван, слабый здоровьем. Для Николая это потрясение было настолько сильным, что его пришлось забрать из училища и отправить в Нежинскую гимназию.

В гимназии Гоголь, по словам товарищей, неустанно шутил, разыгрывал друзей, подмечая их смешные черты, совершал проделки, за которые его наказывали. При этом он оставался скрытным – о своей жизни никому не рассказывал, за что получил прозвище Таинственный Карло: так звали одного из героев романа Вальтера Скотта «Черный карлик».

Первая сожженная книга

В гимназии Гоголь мечтает о широкой общественной деятельности, которая позволила бы ему совершить нечто великое «*для общего блага, для России*». С этими широкими и смутными планами, и откровенной жадой стать богатым, заработать много денег он приехал в Петербург и испытал первое тяжелое разочарование.

Гоголь публикует свое первое произведение – поэму в духе немецкой романтической школы «Ганс Кюхельgarten». Псевдоним В. Алов спас имя Гоголя от обрушившейся критики, но сам автор так тяжело воспринял провал, что скупил в магазинах все нераспроданные экземпляры книги и сжег их. Писатель до конца своей жизни так никому и не признался, что Алов – это его псевдоним.

Позднее Гоголь получил службу в одном из департаментов министерства внутренних дел. «*Переписывая глупости господ – столоначальников*», молодой канцелярист внимательно присматривался к жизни и быту своих коллег чиновников. Эти наблюдения пригодятся ему потом для создания знаменитых повестей «*Нос*», «*Записки сумасшедшего*» и «*Шинель*».

«Принести добро человечеству»

«Вечера на хуторе близ Диканьки», или детские воспоминания

Именно этот ранний сборник повестей (Гоголю тогда было чуть больше двадцати) принес ему литературную известность.

Считается он одним из лучших произведений художника; вдохновение создать это произведение у Гоголя возникло после знакомства с Жуковским и Пушкиным (1829).

Обе части «Вечеров» были изданы под псевдонимом пасечника Рудого Панька.

При всей полноте и искренности чувств гоголевских персонажей мир, в котором они живут, трагически конфликтен: происходит расторжение природных и родственных связей, в естественный порядок вещей вторгаются таинственные ирреальные силы (фантастическое опирается главным образом на народную демонологию). Уже в «Вечерах...» проявилось необыкновенное искусство Гоголя создавать цельный, законченный и живущий по собственным законам художественный космос.

«Принести добро человечеству». Об этом мечтал молодой Гоголь в те хмурые дни, когда он напрасно искал счастье по канцеляриям, и принужден был всю зиму, оказываясь иногда в положении Акакия Акакиевича, дрожать в летней шинели на холодных ветрах Невского проспекта. Там, в холодном, зимнем городе он стал мечтать об иной, счастливой жизни, и там в его воображении возникают яркие картины жизни своего родного украинского народа.

Помните, с каких слов начинается его первая «малороссийская» повесть, его очаровательные «Вечера на хуторе близ Диканьки»? С эпитафии на украинском языке: «*Мені нудно в хаті жить...*» А далее сразу, с ходу – «*Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!*» И это знаменитое, неповторимое описание его родной украинской природы:

«Вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи... Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало – река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!»

Так описывать красоту своей возлюбленной родины мог, по признанию того же Белинского, только «сын, ласкающийся к обожжаемой матери». Гоголь не уставал любоваться сам и поражать, увлекать этой любовью к своей Украине и всех своих читателей.

По слову Пушкина, Гоголь выразил здесь «*настоящую веселость, искреннюю, непринужденную*». Однако главной темой была тема вторжения демонических сил в жизнь человека. Молодой Гоголь еще не может показать пути ко спасению.

Некоторые эпизоды книги, в которой настоящая жизнь переплеталась с легендами, были навеяны детскими видениями Гоголя. Так, в повести «Майская ночь, или Утопленница» эпизод, когда мачеха, превратившаяся в черную кошку, пытается задушить дочку сотника, но в результате лишается лапы с железными когтями, напоминает реальную историю из жизни писателя.

«Казалось, что я утопил человека»

Как – то родители оставили сына дома, а прочие домочадцы легли спать. Вдруг Никоша – так называли Гоголя в детстве – услышал мяуканье, а через мгновение увидел крадущуюся кошку. Ребенок был напуган до полусмерти, но у него хватило мужества схватить кошку и выбросить в пруд. *«Мне казалось, что я утопил человека»*, – писал позже Гоголь.

Главной темой сборника «Миргород» является уже тема спасения человеческой души, а наиболее сильное воплощение она получила в повести «Тарас Бульба» (здесь читается увлеченность историей Украины). Потому то он и передал экземпляр «Миргорода» министру народного просвещения Уварову для поднесения императору Николаю – как напоминание, что история Украины есть органическая часть истории российской государственности.

В сборник вошло одно из самых мистических произведений Гоголя – повесть «Вий».

«Вий» – «народное предание», придуманное Гоголем.

В примечании к книге Гоголь написал, что повесть *«есть народное предание»*, которое он передал именно так как слышал, ничего не изменив. Между тем, исследователями до сих пор не найдено ни одного произведения фольклора, которое точно напоминало бы «Вий».

Имя фантастического подземного духа – Вия – было придумано писателем в результате соединения имени властителя преисподней «железного Ния» (из украинской мифологии) и украинского слова «вия» – веко. Отсюда – длинные веки гоголевского персонажа.

«Ревизор» и бегство

Встреча в 1831 году с Пушкиным имела для Гоголя судьбоносное значение. Александр Сергеевич не только поддерживал начинающего писателя в литературной среде Петербурга, но и подарил ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ».

Пьеса «Ревизор», впервые поставленная на сцене в мае 1836 года, была благосклонно принята самим государем – императором, который в обмен на экземпляр книги подарил Гоголю бриллиантовый перстень.

Но перед этим постановка встречала разнообразные препятствия, в том числе цензурные, и наконец могла осуществиться только по воле императора Николая

«Ревизор» имел необычайное действие: ничего подобного не видела русская сцена; действительность русской жизни была передана с такою силой и правдой, что хотя, как говорил сам Гоголь, дело шло только о шести провинциальных чиновниках, оказавшихся плутами, на него восстало всё то общество, которое почувствовало, что дело идёт о целом принципе, о целом порядке жизни, в котором и само оно пребывает.

«Ревизор» – целое откровение, новый, возникающий период русского искусства и русской общественности, для ищущих и свободомыслящих граждан той, николаевской эпохи, это стало определённым нравственным манифестом

Это было мое первое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество», – писал Гоголь. В своей комедии он вынес обвинительный приговор не столько испорченной части чиновничества, сколько всем общечеловеческим «ценностям» – порокам.

В «Ревизоре» несколько планов, в нем можно констатировать *тему чисто театральную, комедийную*: завязку и развязку комической ситуации; эта тема *осложнена психологической задачей* – представить переживания действующих лиц в данной ситуации; психологическая задача, в свою очередь, граничит с сатирической – с тем разоблачением чиновничьей России, которое дало повод императору Николаю Павловичу сказать, *что от Гоголя в «Ревизоре» «досталось всем, а особенно мне»*; эти четыре темы развернуты на фоне пятой: Гоголь хотел одновременно дать изображение провинциального быта тридцатых годов; наконец, все пять тем восходят к шестой, к заданию морального и философического смысла, поскольку сам Гоголь признал, *что его целью было в пошлости маленького города представить пошлость всего человечества»*.

Смех призван Гоголем врачевать личные и общественные недостатки. В своем произведении Гоголь смеялся над Россией из любви к ней, желая спасения ей.

Ища в ее спасении и спасение свое собственное. Он пишет в «Развязке Ревизора»: *«Всмотритесь – ка пристально в этот город... Ну, а что, если это наши же душевный город, и сидит он у всякого из нас? ...Ревизор этот – наша проснувшаяся совесть...»*. И дальше в «Развязке Ревизора» – слова, обращенные к грешащим бездумно людям: *«Страшен Тот Ревизор, Который ждет нас у дверей гроба»*.

Последняя, немая сцена в комедии «Ревизор» была очень важна для самого Гоголя.

Он уделял ей очень много внимания и считал ее ключевой в понимании общего смысла комедии. Герои остаются на сцене в застывшем состоянии очень долго – «почти полторы минуты», что позволяет зрителю хорошенько рассмотреть всех по отдельности, а также получить общее впечатление от ситуации.

Автор этой сценой хочет раскрыть перед зрителем каждого героя, ведь именно в момент бездействия можно увидеть сущность каждого из них.

Состояние, подобное тому, какое испытали жители Помпеи при виде извергающегося Везувия на знаменитом полотне К. Брюллова: и те, и другие окаменевают от ужаса (нет спасения перед карающей десницей!)

Сквозь череду различных событий, суеты сует, происходящих в пьесе не всегда можно уловить индивидуальные черты, присущие героям. А немая сцена как раз и оставляет зрителя наедине с каждым героем. Обнажает до сути, до откровения сердца В финале комедии на сцене оказываются все герои, действовавшие ранее, за исключением Хлестакова.

Все собираются, чтобы произнести поздравления в адрес семьи городничего, после чего удары судьбы начинают сыпаться на них один за другим. Сначала на сцене появляется почтмейстер, который приносит весть, поразившую всех. После прочтения письма наступает период всеобщего возмущения и негодования, который неожиданно обрывается сообщением о приезде настоящего ревизора.

«Произнесенные слова поражают всех как громом, ...вся группа, вдруг переменявши положение, остается в окаменении».

Эта ремарка, относящаяся к немой сцене, позволяет многое понять из авторского замысла. Во – первых, выражение «как громом», на мой взгляд, создает впечатление высшего, божественного наказания.

То, что Гоголь хотел создать у зрителя комедии впечатление окаменения, также представляет интерес. Это не только позволяет читателю и зрителю наблюдать первую реакцию героев, но и заставляет задуматься об «окаменении» душ людей, о фальшивости их чувств.

У немой сцены две главные фигуры – страх и восхищение. Окаменение от страха перед Ревизором (грозным своей окончательностью гостем, перед лицом которого не может быть ничего утаенного). Окаменение от восхищения перед светлым гостем (рядом с которым невозможно оставаться прежним).

Кроме того, немая сцена дает возможность вариативного толкования финала комедии. Приехал настоящий ревизор, и город достигнет заслуженное возмездие? А может быть, приехал некто, ассоциирующийся у жителей с небесной карой, которой все страшатся? А может, приехал не ревизор, а важный чиновник, путешествующий в сопровождении жандарма? И даже если приехал настоящий ревизор, может, ревизия пройдет гладко и все, как всегда, закончится благополучно?

Прямого ответа сам автор не дает, потому что финал, по сути, не так уж и важен. Важна сама мысль о неизбежном наказании, о суде, про который все знают и которого все боятся. А может, стоит жить так, чтобы не страшиться ответа перед Богом

Однако критики оказались не столь щедрыми на похвалы. Пережитое разочарование стало началом затяжной депрессии писателя, который в этом же году уехал за границу *«размывать тоску»*.

Он исколесил чуть ли не всю Западную Европу, дольше всего пробыл в Италии. За время жизни в Италии, Риме пристрастился к капучино, спагетти и аперитиву. Эта страна была для него как родная. Он обожал итальянскую еду, особенно макаронны с сыром. Сам готовил вдохновенно и с удовольствием потчевал всех своих знакомых и гостей в России этими макаронами, а никто из русских это не воспринимал и не понимал, но делали вид, что все замечательно

В 1839 году писатель возвращался на родину, но через год вновь объявил друзьям об отъезде и пообещал привезти в следующий раз первый том «Мертвых душ».

В один из майских дней 1840 года Гоголя провожали его друзья Аксаков, Погодин и Щепкин. Когда экипаж скрылся из виду, они заметили, что черные тучи заволокли половину неба. Внезапно сделалось темно, и друзьями овладели мрачные предчувствия о судьбе Гоголя. Как оказалось, неслучайно...

Болезнь

В 1839 году в Риме Гоголь схватил сильнейшую болотную лихорадку (малярию). Ему чудом удалось избежать смерти, но тяжелая болезнь привела к прогрессирующему душевному и физическому расстройству здоровья. Как пишут некоторые исследователи жизни Гоголя, болезнь *поразила мозг* писателя. У него начали случаться припадки и обмороки, что характерно для малярийного энцефалита. Но самым страшным для Гоголя были видения, посещавшие его во время болезни.

Многое свершилось во мне в немногое время, – пишет он М. П. Погодину.

В письме С. Т. Аксакову: *«Я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои»*. Молитва живет в душе его, душа живет богомыслием. Гоголь пишет: *«Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской»*.

В начале 1842 года: *«Я не рожден для тревожений и чувствую с каждым днем и часом, что нет выше удела на свете, как звание монаха»*.

Как писала сестра Гоголя Анна Васильевна, за границей писатель надеялся получить от кого – нибудь «благословение», и когда проповедник Иннокентий подарил ему образ Спасителя, то писатель воспринял его как знак свыше ехать в Иерусалим, к Гробу Господню.

Однако пребывание в Иерусалиме не принесло ожидаемого результата. *«Ещё никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, – говорил Гоголь. – У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия»*.

В 1842 году в Москве вышел первый том поэмы Гоголя «Мертвые души», в котором – художественное отражение душевных пороков людей. Гоголь говорит о нравственности, он приглашает каждого человека взглядеться честно в душу свою: нет ли в нем недостатков, подобных тем, над которыми он только что смеялся.

Охарактеризовав Чичикова, он вопрошает: *«А кто из вас, полный христианского смирения... в минуту уединенных бесед с самим собою, углубит во внутрь собственной души сей тяжельший вопрос: «А нет ли и во мне какой – нибудь части Чичикова?»»*

Главное у Гоголя в том, что служение Истине есть религиозный подвиг и дело нравственное. И чтобы использовать достойно свои таланты, писатель должен очистить душу свою покаянием. То есть, чтобы закончить «Мертвые души», писатель должен стать праведником. И этому благому стремлению Гоголь отдал все свои силы, всю свою земную жизнь.

Написанием первого тома «Мертвых душ» Гоголь сделал попытку разбудить мертвые души читателей, дабы отвратились они от греха и пороков, ведущих к прижизненной смерти.

«Жил внутренне, как в монастыре, – писал он Языкову, – и в прибавку к тому, не пропустил почти ни одной обедни в нашей церкви».

Лишь ненадолго болезнь отступила. Осенью 1850 года, оказавшись в Одессе, Гоголь почувствовал себя лучше, он вновь стал бодрым и веселым, как и прежде.

В Москве он прочитал отдельные главы второго тома «Мертвых душ» своим друзьям, и, видя всеобщее одобрение и восторг, начал работать с удвоенной энергией.

Однако, как только второй том «Мертвых душ» был дописан, Гоголь ощутил опустошенность. Все больше им стал овладевать *«страх смерти»*, которым когда – то мучился его отец.

Тяжелое состояние усугубляли беседы с фанатичным священником – Матвеем Константиновским, который укорял Гоголя в *его мнимой греховности, демонстрировал ужасы Страшного суда*, мысли о которых мучили писателя с раннего детства.

Духовник Гоголя потребовал отречься от Пушкина, перед талантом которого Николай Васильевич преклонялся.

Жил внутренне, как в монастыре

Смерть

В ночь на 12 февраля 1852 года произошло событие, обстоятельства которого до сих пор остаются загадкой для биографов.

Николай Гоголь молился до трех часов, после чего взял портфель, извлек из него несколько бумаг, а остальное велел бросить в огонь. Перекрестившись, он вернулся в постель и неудержимо заплакал.

Считается, что в ту ночь он сжег именно второй том «Мертвых душ». Однако позже рукопись второго тома нашли среди его книг. А то, что было сожжено в камине, так и осталось загадкой «гражданина Гиены» – Гоголя.

После этой ночи Гоголь еще больше углубился в собственные страхи.

Он страдал тафифобией – боязнью быть заживо похороненным, поскольку с 1839 года, после перенесенного малярийного энцефалита, был подвержен обморокам с последующим продолжительным сном. И патологически боялся, что во время подобного состояния его могут принять за умершего.

Более 10 лет он не ложился в постель. Ночами дремал, сидя или полулежа в кресле или на диване. Не случайно в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он написал: *«Завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения».*

Есть предание, что незадолго до смерти он говорил своему близкому другу:

– Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял...

– Чего? Отчего потеряли Вы?

– Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?

Желание Гоголя стать монахом подтверждает и сестра его Анна Васильевна, свидетельствующая, что он тогда «мечтал поселиться в Оптиной пустыни».

В январе 1852 года Гоголь тяжело пережил смерть супруги А. С. Хомякова – тридцатипятилетней Екатерины Михайловны. Ушел из этой жизни еще один дорогой ему человек.

И вместе с этим Гоголь начинает чувствовать, что приблизилось и его время. *«Все для меня кончилось»*, – сказал он Хомякову. Он почти ежедневно молится в церкви, думает о смерти: *«Страшна минута смерти»*.

В те дни, по воспоминаниям В. С. Аксаковой, *«мысли его были все обращены к тому миру»*.

С 5 – го февраля прекратил писать, есть, ночи проводит в молитвах, со слезами. 7 – го исповедуется и причащается. В ночь, после продолжительной молитвы на коленях перед образом, Гоголь уснул и во сне слышал голоса, говорившие ему о скорой смерти.

14 февраля Гоголь сказал Хомякову: *«Надобно меня оставить, я знаю, что должен умереть»*.

Гоголь делает распоряжение насчет своего крепостного слуги Семена и рассылает деньги «бедным на свечки». Перед тем просил раздать неимущим средства, вырученные от последнего издания его сочинений.

16 февраля доктор А. Т. Тарасенков, побывав у Гоголя, сказал: *«Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...»*

В свои последние дни земной жизни Гоголь не выпускал из рук четок, внутренне непрерывно творя молитву.

За несколько дней до смерти слабеющий плотью Гоголь написал: *«...Помилуй меня грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста...»*.

Одними из последних его слов, сказанных в полном сознании перед смертью были: *«Как сладко умирать!»*. Великая тайна Художника, и великий подвиг Гражданина были скрыты за этими словами, – именно страх смерти был основой его феноменального творчества, бьющего огненным фонтаном; основой его прижизненного покаяния: внутреннего, нравственного, и внешнего – художественного.

По свидетельству доктора Тарасенкова, за несколько часов до смерти Гоголь «повторял несколько раз:

– Давай, давай! Ну что же?

Часу в одиннадцатом он закричал громко:

– Лестницу, поскорей давай лестницу, казалось, ему хотелось встать».

Покров таинства сказанных слов сбрасывается, если сделать пояснение, что игумен горы Синайской Иоанн и святитель Тихон Задонский, которых почитал писатель за идеалов религиозно – нравственной чистоты, в последние минуты своей жизни просили *лестницу, возводящую к Богу*.

И величайший русский гений А. С. Пушкин за несколько минут до смерти впал в полубытье и схватил за руку стоявшего рядом В. И. Даля: *«Ну, подымай меня, идем... да выше, выше... идем...»* Затем он вдруг открыл глаза. Лицо его прояснилось: *«Кончена жизнь»*, – сказал он тихо.

Гоголь умер 21 февраля 1852 года около восьми часов утра.

«Да будет воля твоя» —

о причинах смерти Гоголя.

Современники говорят, что последние год – полтора жизни Гоголя мучил *страх смерти*. Этот страх умножился, когда 26 января 1852 года умерла Екатерина Хомякова, сестра поэта Н. М. Языкова, с которой Гоголь дружил. (Умерла она от брюшного тифа, будучи при этом беременной.) Доктор А. Т. Тарасенков говорит, что «смерть ее не столько поразила мужа и родных, как поразила Гоголя... Он, может быть, впервые здесь видел смерть лицом к лицу...» О том же пишет и А. П. Анненков: «...лицезрение смерти ему было невыносимо». На панихиде, глядя в лицо умершей, Гоголь, по словам А. С. Хомякова, сказал: «*Все для меня кончено...*»

И впрямь – очень скоро приступ непонятной для окружающих болезни настолько овладел писателем, что он оказался у последней черты жизни.

Последний месяц жизни

Великий писатель скончался в восемь утра 21 февраля 1852 года, не дожив месяца до 43 лет. Врачи запутались с диагнозом, одни называли менингит, другие – воспаление лёгких, третьи – тиф, четвертые – нервную горячку, пятые – душевную болезнь. До сих пор истинная причина смерти Николая Васильевича неясна.

Итак, 5 —го февраля он прекращает работу над рукописями, почти ничего не ест, усердно молится по ночам.

С 11 на 12 февраля, как известно, сжигает второй том «Мёртвых душ». С 18 февраля Гоголь уже не встаёт с постели, отвергает всякое лечение. Николай Васильевич соборовался, исповедался и причастился

Чуть раньше его вновь навестили три профессора – «магнетизера», под видом молодых литераторов, которые настаивали на проведении гипнотического сеанса. Гоголь распознал обман и раздраженно отвадил профессоров.

А все началось с душевного удара...

Проживая в доме графа Александра Толстого, Гоголь в начале января 1852 года тихо – мирно готовил к печати собрание своих сочинений. И вот первый душевный удар: 26 января умирает жена близкого друга писателя, Алексея Хомякова, Екатерина, с которой Гоголя связывали многолетние добрые отношения. От горя он даже не пошёл на похороны.

Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: *«Как сладко умирать!»*

Через два часа прибыл Тарасенков, потом он запишет: *«Нельзя вообразить, чтобы кто – нибудь мог терпеливее него сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые, лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесённую с собою за гроб».*

В бумагах умершего было обнаружено обращение к друзьям, где он умолял их быть не мёртвыми, а живыми душами (с намёком на роман «Мёртвые души»).), и следовать по пути, указанному Господом. Нашли наброски духовного завещания и молитвы, предсмертные записи... В завещании Николай Васильевич советовал сёстрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности превратить его в монастырь.

Был приглашён скульптор Николай Рамазанов, который снял с лица Гоголя посмертную маску. Он – то одним из первых опроверг миф о том, что Гоголь был похоронен заживо, в состоянии глубокого летаргического сна.

Рамазанов писал: «...Когда я ошупывал ладонью корку алебаstra – достаточно ли он разогрелся и окреп, то невольно вспомнил завещание (в письмах к друзьям), где Гоголь говорит, чтобы не предавали тело его земле, пока не появятся в теле все признаки разложения. После снятия маски можно было вполне убедиться, что опасения Гоголя были напрасны; он не оживёт, это не летаргия, но вечный непробудный сон». Да, гипсовая маска, плотно прилегающая к лицу, не оставляет надежды даже на еле заметное, пусть и замедленное дыхание в состоянии летаргического сна.

Что же касается необычного расположения тела умершего в гробу, то такое случается в результате смещений прогнивших крышки и стенок гроба, других подвижек земляных пластов в могиле. Ко всему в захоронение проникли неведомые охотники за черепом, которые могли невольно повернуть останки умершего.

Существуют два портрета смерти Гоголя – медицинский и психологический. Первый составлен из записок очевидцев (в том числе врачей). Доктор Тарасенков вспоминает о последнем дне Гоголя:

«...Когда я возвратился через три часа после ухода, в шестом часу вечера, уже ванна была сделана, у ноздрей висели шесть крупных пиявок; к голове приложена примочка. Рассказывают, что когда его раздевали и сажали в ванну, он сильно стонал, кричал, говорил, что

это делают напрасно; после того как его опять положили в постель без белья, он проговорил: «Покройте плечо, закройте спину!», а когда ставили пиявки, он повторял: «Не надо!»; когда они были поставлены, он твердил: «Снимите пиявки, поднимите (ото рта) пиявки!» – и стремился их достать рукою. При мне они висели еще долго, его руку держали с силою, чтобы он до них не касался.

Приехали в седьмом часу Овер и Клименков; они велели подолее поддерживать кровотечение, ставить горчичники на конечности, потом мушку на затылок, лед на голову и внутрь отвар алтейного корня с лавровишневою водой. Обращение их было неумолимое; они распряжались, как с сумасшедшим, кричали перед ним, как перед трупом.

Клименков приставал к нему, мямл, ворчал, поливал на голову какой – то едкий спирт, и, когда больной от этого стонал, доктор спрашивал: «Что болит, Николай Васильевич? А? Говорите же!» Но тот стонал и не отвечал. – Они уехали, я остался во весь вечер до двенадцати часов и внимательно наблюдал за происходящим. Пульс скоро и явственно упал, делался еще чаще и слабее, дыхание, уже затрудненное утром, становилось еще тяжелее; уже больной сам поворачиваться не мог, лежал смирно на одном боку и был спокоен, когда ничего не делали с ним...

Уже поздно вечером он стал забываться, терять память. «*Давай бочонок!*» – произнес он однажды, показывая, что желает пить. Ему подали прежнюю рюмку с бульоном, но он уже не мог сам приподнять голову и держать рюмку... Еще позже он по временам бормотал что – то невнятно, как бы во сне, или повторял несколько раз: «*Давай, давай! Ну, что же!*» Часу в одиннадцатом он закричал громко: «*Лестницу, поскорее, давай лестницу!*...» Казалось, ему хотелось встать. Его подняли с постели, посадили на кресло. В это время он уже так ослабел, что голова его не могла держаться на шее и падала машинально, как у новорожденного ребенка. Тут привязали ему мушку на шею, надели рубашку (он лежал после ванны голый); он только стонал.

Когда его опять укладывали в постель, он потерял все чувства; пульс у него перестал биться; он захрипел, глаза его раскрылись, но представлялись безжизненными. Казалось, что наступает смерть, но это был обморок, который длился несколько минут. Пульс возвратился вскоре, но сделался едва приметным. После этого обморока Гоголь уже не просил более ни пить, ни поворачиваться; постоянно лежал на спине с закрытыми глазами, не произнося ни слова. В двенадцатом часу ночи стали холодеть ноги. Я положил кувшин с горячею водою, стал почаще давать проглатывать бульон, и это, по – видимому, его оживляло; однако ж вскоре дыхание сделалось хрипкое и еще более затрудненное; кожа покрылась холодною испариною, под глазами посинело, лицо осунулось, как у мертвеца. В таком положении оставил я страдальца...

Рассказывали мне, что Клименков приехал вскоре после меня, пробыл с ним ночью несколько часов: давал ему каломель обкладывал все тело горячим хлебом; при этом опять возобновился стон и пронзительный крик. Все это, вероятно, помогло ему поскорее умереть»

Смерть Гоголя случилась в восемь часов утра 21 февраля 1852 года. Бывшая при том Е. Ф. Вагнер писала в тот же день зятю (М. П. Погдину):

«...Николай Васильевич скончался, был все без памяти, немного бредил, по – видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул...»

Лечение Гоголя

С начала же февраля 1852 года Николай Васильевич практически полностью лишил себя пищи. Резко ограничил сон. Отказался от приема лекарств. Сжег практически готовый второй том «Мертвых душ». Стал уединяться, желая и в то же время со страхом ожидая смерти. Он свято верил в загробную жизнь. Поэтому, чтобы не оказаться в аду, ночи напролет изнурял себя молитвами, стоя на коленях перед образами. Великий пост начал на 10 дней раньше, чем полагалось по церковному календарю. По существу это был не пост, а полный голод, продолжавшийся три недели.

Гоголь же был физически слабым, больным человеком. После перенесенного ранее малярийного энцефалита страдал булимией – патологически повышенным аппетитом. Много ел, преимущественно сытные мясные кушанья, но из-за обменных нарушений в организме совершенно не прибавлял в весе. До 1852 года посты он практически не соблюдал. А тут, кроме голодания, резко ограничил себя в жидкости. Что вместе с лишением пищи привело к развитию тяжелой алиментарной дистрофии.

Соответственно неверно поставленному диагнозу и лечили Гоголя. Сразу после окончания консилиума, с 15 часов 20 февраля доктор Клименков принялся за лечение «менингита» теми несовершенными методами, что применялись в XIX веке. Больного насильно посадили в горячую ванну, а голову стали обливать ледяной водой. После этой процедуры писателя бил озноб, но его держали без одежды. Выполнили кровопускание, к носу больного приставили 8 пиявок, чтобы усилить носовое кровотечение. Обращение с пациентом было жестоким. На него грубо кричали. Гоголь пытался противиться процедурам, но его руки с силой заламывали, причиняя боль...

Состояние больного не только не улучшилось, но стало критическим. Ночью он впал в беспамятство. И в 8 часов утра 21 февраля, во сне, у писателя остановилось дыхание и кровообращение. Медицинских работников рядом не было. Дежурила сиделка.

Участники состоявшегося накануне консилиума стали собираться к 10 часам и вместо больного застали уже труп писателя, с лица которого скульптор Рамазанов снимал посмертную маску. Врачи явно не ожидали такого быстрого наступления смерти.

Причиной смерти стала острая сердечно – сосудистая недостаточность, вызванная кровопусканием и шоковыми температурными воздействиями на страдавшего тяжелой алиментарной дистрофией больного. (Такие больные очень плохо переносят кровотечения, нередко совсем не большие. Резкая перемена тепла и холода также ослабляет сердечную деятельность). Дистрофия же возникла из-за длительного голодания. А оно было обусловлено депрессивной фазой маниакально – депрессивного психоза. Таким образом получается целая цепочка факторов.

Врачи добросовестно заблуждались, поставив неверный диагноз и назначив нерациональное, ослабляющее больного лечение.

Спустя полвека доктор Н. Н. Баженов заявил, что причиной смерти Гоголя было неправильное лечение. «В течение последних 15—20 лет жизни, – утверждал Баженов, – он страдал той формой душевной болезни, которая в нашей науке носит название периодического психоза, в форме так называемой периодической меланхолии. По всей вероятности, его общее питание и силы были надорваны перенесенной им в Италии (едва ли не осенью 1845 г.) малярией. Он скончался в течение приступа периодической меланхолии от истощения и острого малокровия мозга, обусловленного как самой формой болезни, – сопровождавшим, ее голоданием и связанным с нею быстрым упадком питания и сил, – так и неправильным ослабляющим лечением, в особенности кровопусканием».

Грубой прозе медицинских заключений противостоит замечательный психологический портрет умирающего Гоголя, созданный критиком И. Золотусским:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.